

ОТСТАВКА МИНИСТРА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ КОВАЛЕВСКОГО, 1861 г.¹

Статья поступила
в редакцию
в июле 2007 г.

Евграф Петрович Ковалевский (родился 10 (21) декабря 1790 г. в Харькове, умер 18 (30) марта 1867 г. в Петербурге) — первый министр народного просвещения, назначенный непосредственно самим императором Александром II, одно из «самых симпатичных лиц эпохи либеральных реформ» [Усов, 1882, с. 118]. Прежде чем управлять всей образовательной сферой середины позапрошлого века, Е.П. Ковалевский «прошел путь от Барнаула до Петербурга, изведав глубину сибирских недр» [Фирсов, 1898, с. 70]. По образованию горный инженер, он начинал государственную службу в Барнауле, в 1817—1821 гг. был вице-директором, в 1837—1838 гг. директором департамента горных и соляных дел, затем директором Горного корпуса. Следующая веха — губернаторство в Томске. В 1840—1850-е гг. Ковалевский возглавляет колыванские и алтайские заводы и только с 1856 г. становится попечителем московского учебного округа. Его краткое присутствие на посту министра просвещения, всего три года с 1858 по 1861 г., во многом сохраняло прежний «сибирский» отпечаток, опиралось на разумный и взвешенный стиль руководства (что порой вызывало упреки в излишней мягкости действий, склонности к компромиссам), брезгливое отношение к политическим интригам, хорошее знание деталей своей отрасли.

Любопытно, однако, что при всем обилии упоминаний в разных источниках, его целостного портрета нет. Ковалевский так и остался в штрихах, кратких характеристиках, набросках свидетелей и комментаторов, писавших о нем позднее и нередко путавших его с младшим братом Егором Петровичем Ковалевским (1811—1868), публицистом и путешественником.

Ковалевского отличало «какое-то трезвое спокойствие и присутствие духа даже в самую смутную пору» [Никитенко, 2005, с. 312], когда в конце 1850 — начале 1860-х гг. министерство просвещения вынужденно стало одним из самых ключевых политических звеньев в системе государственного управления, выполняя в том числе функции репрессивного контроля над журналистикой и литературой. Ковалевский понимал пагубность такого устройства и, тяготясь обязанностями, нередко оказывал содействие или предупреждал о грозящих переменах издателей.

Порядок публикации статей в журналах требовал разрешения чиновников разных министерств. Иллюстрацией сложной процедуры составления журнального номера при обязательном вмеша-

¹ Подготовила Е.Н. Пенская.

тельстве контролирующих ведомств может служить бумага, направленная И.И. Панаеву, редактору «Современника»:

«Вследствие распоряжений по высочайшему повелению сделанных, я прошу г. редактора и издателя “Современника” Панаева завтрашнего числа, 17 апреля, поутру в 9 часов, явиться к шефу корпуса жандармов и представить ему: 1) полную записку г. Кавелина, из которой сделанное извлечение о новых условиях сельского быта напечатано в апрельской книжке “Современника”; 2) извлечение из этой записки в корректурных листах, которое было первоначально препровождено чиновнику от министерства внутренних дел г.Тройницкому и он не одобрил.

*Министр народного просвещения Е.Ковалевский
16 апреля 1858 года»¹.*

Тем не менее «мягкий» почерк министра узнается в программах, которыми он старался корректировать управленческий абсурд, но все эти действия не встречали поддержки со стороны власти. Когда Ковалевский предложил Александру II назначить в Комитет по делам книгопечатания Тютчева, Тургенева и нескольких других писателей, царь отклонил это предложение: «Что твои литераторы? Ни на одного из них нельзя положиться»².

В 1858 г. Ковалевский получил министерский портфель, а литераторы в свою очередь понимали, что на императора рассчитывать не приходится. «Но вот что, по несчастью, кажется, выскочило из колеи: это наши домашние дела. Реакция наконец подняла голову... на днях Ковалевский собрал всех редакторов и держал им очень грустную речь: “Я, говорит, стар и с препятствиями не могу бороться; меня только выгонят, а вам, господа, хуже может быть; умоляю вас быть крайне осторожными”. Вслед за этой речью он поехал в Москву налагать на все запрещенье», — так описывал ситуацию И.С. Тургенев в письме А.И. Герцену из Парижа 30 мая 1858 г. [Тургенев, 1958, с. 301—302].

Ковалевский лавировал, составлял записки, искусные отчеты. На одном сохранилась надпись Александра II: «Читал с удовольствием. 12 апреля 1958». Однако читательская благосклонность императора не уберегла министра от стремительно сгущавшихся над ним туч.

Одной из основных особенностей конца 1850-х — начала 1860-х гг. в России были студенческие волнения с требованиями демократизации общественной жизни. Студенчество, пожалуй, впервые заявило о себе как серьезная общественная сила, что послужило немаловажным импульсом к проведению реформы высшего образования. Архивы Министерства народного просвещения позволяют утверждать, что с 1857 г. начались подготовительные работы по проведению реформы. Одним из ее первых шагов на этом пути стала записка Е.П. Ковалевского в Совет министров о

¹ Цит. по [Панаева, 1996, с. 261].

² Цит. по [Чулков, 1933, с. 106].

необходимости установления более строгих правил поступления в высшие учебные заведения России. Он предлагал принимать в вузы молодых людей не моложе 16 лет; подвергать приемным испытаниям всех желающих стать студентами, в том числе и выпускников гимназий; установить уголовную ответственность должностных лиц средних и высших учебных заведений за послабления при выпускных и вступительных испытаниях. Эти предложения министра были осуществлены лишь частично, так как в 1857—1858 гг. радикальные настроения студенчества усилились и проявились в столкновениях с полицией. Поскольку действия министерства просвещения показались власти недостаточными, Александр II созвал особую комиссию для проверки деятельности «просветителей». В состав комиссии вошли генерал-губернатор Петербурга П.Н. Игнатов, барон М.А. Корф, принц П.Г. Ольденбургский и граф С.Г. Строганов. Выводы комиссии (весной 1861 г.) были направлены лично против министра народного просвещения, что привело к отстранению Ковалевского от руководства министерством.

Отставка Ковалевского — один из наиболее важных эпизодов в истории российского образования — обычно упоминается как неизбежный факт времени, практически не анализируется, и из работы в работу кочуют одни и те же скудные сведения мемуаристов [Татищев, 1912]. Между тем это событие оказалось далеко не однозначным.

Публикуемый ниже материал впервые дает возможность последовательно восстановить ход событий. Он интересен по своему составу. В тексте-обозрении соединились три «хроники». Прежде всего это репортаж о последовательном «выдавливании» Ковалевского с его позиции, а также о «тихом предательстве» императором своего прежнего ставленника. Кроме того, это хроника напряженной дискуссии, которая вспыхнула в один из острейших моментов становления общественного самосознания, — дискуссии о судьбе и характере российского университета, поучительный опыт которой заключался прежде всего в борьбе двух альтернативных концепций: немецкой, закрытой, строго регламентированной (представленной оппонентами Ковалевского) и французской, открытой ориентированной на публичную площадку вольнослушателей, выполняющую только образовательную функцию, в отличие от воспитательной германской. Ковалевский считал, что именно французский тип университетского образования способен уберечь российскую систему от разрушения. За это и поплатился. И наконец, в архивном материале собраны уникальные данные западной прессы, транслирующей эту дискуссию в европейское пространство. Интерпретации и оценки западных и отечественных корреспондентов, искажения и соответствия реальности помогают понять сегодняшнюю актуальность темы реформирования университетского образования в России.

Статья о событиях, сопутствующих отставке Ковалевского, готовилась Николаем Николаевичем Родзевичем для журнала «Исто-

рический вестник» (1905. №1), но была опубликована в сокращении «по причинам нежелательности столь подробного упоминания о студенческих беспорядках»¹. Полный вариант хранится в бумагах автора, видного деятеля монархического движения, талантливого педагога (в начале XX в. он преподавал историю и географию в гимназии и юнкерском училище Одессы, был директором одесской мужской гимназии), исследователя истории русского просвещения. В нашем журнале мы приводим статью без сокращений, с сохранением авторских примечаний, ссылок, курсива и т.п.²

Литература

- Никитенко А.В.* Записки и дневник: в 3 т. М., 2005. Т. 1. С. 312.
Панаева А.Я. Воспоминания. М., 1996.
Татищев С.С. Император Александр II, его жизнь и царствование: в 2 т. СПб., 1912.
Тургенев И.С. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 12. М., 1958.
Усов П.С. Из моих воспоминаний // Исторический вестник. 1882. Т. 7. № 1.
Фирсов Н.Н. Силуэты времени реформ // Русская старина. 1898. Т. 96. № 10.
Чулков Г. Летопись жизни и творчества Ф.И. Тютчева. М.; Л., 1933.

Н.К. Родзевич

ОТСТАВКА Е.П. КОВАЛЕВСКОГО

I

Время министерства Ковалевского представляло собою переходную эпоху в истории наших университетов. Устав 1835 года *de jure* еще существовал, но *de facto* был почти весь уничтожен рядом последующих распоряжений, особенно после 1848 года. В министерстве сознавалась необходимость издания нового устава, проект которого разрабатывался и, по-видимому, в 1861 году близок был к окончанию. Но на ход и характер подготовительных работ оказывали влияние студенческие волнения, вспыхивавшие то в том, то в другом университете и вынуждавшие вместо общего устава выработать временные паллиативные меры для прекращения беспорядков.

Случайные и незначительные по количеству участников столкновения между студентами и полицией принимали мало-помалу

¹ Из переписки С.Н. Шубинского (главного редактора «Исторического вестника») с Н.Н. Родзевичем, май, 1905 // ИРЛИ. Ф. 1235. Ед. хр. 24. Л. 2.

² ОР ГИМ. Ф. 57. Ед. хр. 36. Л. 18—48.

более серьезный характер, превращаясь в массовые и организованные движения студентов, оказывавших явное неповиновение распоряжениям начальства. Беспорядки эти особенно усилились в 1861 г. в С.-Петербургском университете. А между тем введение крестьянской реформы и происшедшие при этом в некоторых местностях волнения, брожение в Царстве Польском — все это усиливало тревогу.

Усиление беспорядков и снисходительное отношение к ним со стороны Ковалевского вызвали неудовольствие государя, но ближайшим поводом к отставке было, по-видимому, столкновение Ковалевского с двумя комиссиями: для пересмотра отчета по министерству за 1859 год и для рассмотрения предположений министра о мерах, которые могут быть приняты для надзора за студентами по случаю повторяющихся беспорядков.

Деятельность обеих комиссий составила одно «дело о преобразованиях в университетах», хранящееся в архиве департамента народного просвещения за № 146163, карт. 3084.

Комиссия для рассмотрения отчета по министерству народного просвещения за 1859 год образована была согласно высочайшему повелению от 18 июля 1860 года. В нее вошли: бывший попечитель Московского учебного округа и попечитель детей государя — граф С.Г. Строганов, председатель комитета по делам книгопечатания барон М.А. Корф и с.-петербургский генерал-губернатор граф П.Н. Игнатьев. Председателем комиссии назначен принц Петр Георгиевич Ольденбургский.

Комиссия внимательно рассмотрела отчет, причем остановилась на некоторых вопросах, возбуждавших сомнения, ввиду чего 6-го января 1861 года председатель комиссии препроводил к Ковалевскому проект журнала комиссии, прося вернуть его со своими замечаниями и объяснениями. Объяснения министра, однако, не удовлетворили комиссию, и весь доклад ее представляет резкую критику не только отчета, но вообще всей деятельности министерства в отношении к университетам.

Комиссия прежде всего указывает на неполноту отчета. Соглашаясь, что отчет составлен соответственно форме, установленной законом, комиссия все же полагает, что отчет должен более полно изображать отдельные отрасли управления и, «не ограничиваясь исключительно теми данными, которые указывают на материальное их состояние, представлять оные *в связи как с предшествовавшими явлениями, так и с видами на будущее*»¹. Комиссия не может по отчету заключить о действительном состоянии той или другой части управления и «в особенности замечает отсутствие нужных к тому данных при взгляде *на нравственную часть наших университетов*».

Весьма прискорбное брожение в некоторых университетах в 1857 и 1858 годах было причиною многих беспорядков, вынуждав-

---

¹ Курсив наш.

ших правительстве прибегать к мерам взыскания. Между тем в отчете об этом не упоминается, а говорится лишь о подчинении студентов вне университета надзору общей полиции, причем заявляется, что «университетское начальство хотя и избавлено от ответственности за их поступки и образ мыслей, но с тем вместе уже не имеет и никакой возможности следить за ними». Комиссия, напротив, полагает, что образ мыслей студентов может обнаружиться не только в частной жизни, но и в учебной деятельности, в стенах университета, и там надзор за ними еще более необходим как средство дать юным умам правильное направление. Комиссия указывает также на противоречие с отчетом за 1858 год, в котором министр по поводу перемещения казеннокоштных студентов на вольные квартиры говорил, что это не затруднит надзора. Что касается образа действий студентов, то он, по мнению комиссии, «далеко не безукоризнен: в некоторых университетах они составляют из среды своей суд, в котором подвергаются разбору и осуждению не только поступки их товарищей, но даже распоряжения их начальства и действия профессоров. Таким образом, между студентами распространяются начала, вовсе не свойственные нашему образу правления, могущие вредно действовать на их молодые умы и, во всяком случае, отвлекающие их от настоящей их цели, т.е. от занятий науками». Комиссия полагает, что министр народного просвещения упоминал обо всем этом в особых всеподданнейших докладах, но комиссии эти доклады неизвестны, и поэтому она не может представить по этому поводу своих соображений.

В журнале комиссии сообщается далее содержание тех объяснений, которые дал Ковалевский, словесно или письменно, по поводу вышеприведенных упреков комиссии. Министр возразил:

а) отчет составлен по установленной форме и главным достоинством его является краткость, точность и отсутствие произвольных рассуждений. В отчете должны быть помещены статистические данные, затем правительственные распоряжения за отчетный год. «Причины, вызвавшие сии распоряжения, объяснят предшествовавшие явления, а указание того, что еще остается сделать, определит виды в будущем». Такого порядка и держался отчет;

б) по поводу замечания комиссии о студенческих волнениях 1857—1858 годов министр возразил, что всякий отчет обнимает лишь то время, за которое он издается. Министр в отчете за 1859 год не мог говорить о волнениях, бывших в 1857—1858 годах; о них министр в свое время доводил до высочайшего сведения; они были исследованы и внесены в своевременные отчеты. Об этих происшествиях Ковалевский не мог говорить еще и потому, что сам был назначен на пост министра лишь в половине 1858 года¹, наконец, потому, что эти беспорядки не имели между собой внутренней связи. В 1857 году в Киеве и Москве беспорядки возникли из-за столкновения с местной полицией; почти тот же характер имело

---

¹ 28 марта 1858 года.

происшествие в 1858 году в Харькове. В 1859 году в Казани было оказано явное неповиновение начальству, за что 18 студентов были исключены и высланы¹. Об этом Ковалевский докладывал государю и вкратце упомянул об этом в отчете. Далее Ковалевский возражает против огульного обвинения студентов; «он не берет на себя обязанности быть безусловным защитником нравственности студентов». Из 5000 студентов всегда найдутся безнравственные и с дурным направлением, но этого нельзя распространять на всех студентов (а кто же *распространяет?*). Наряду с дурными есть примерные студенты. Надо принять во внимание их возраст, впечатлительность, а также то обстоятельство, что большей частью они живут на свободе и «принадлежат более обществу, составляя нераздельную его часть, а не университету, в котором проводят только несколько часов в день». Если даже в закрытых заведениях при военной дисциплине возникают иногда беспорядки, то можно ли избежать их в университете? Нельзя обвинять университетское начальство, так как оно не располагает достаточными средствами и не имеет возможности следить за образом жизни студентов. Что касается брожения умов, то «оно существует в настоящее время, к сожалению, почти везде и, не принадлежа одному сословию студентов, идет не от них к обществу, а обратно»;

в) перемещение казеннокоштных студентов на частные квартиры, как объяснил Ковалевский, последовало на основании высочайшего повеления 30 мая 1858 года. Поводом к этой реформе были материальные выгоды университета и студентов, а также трудность держать взрослых на положении школьников. Поэтому в Петербурге еще в 1847 году казеннокоштные студенты были переведены на частные квартиры. Что касается указанного противоречия между отчетами за 1858 и 1859 годы, то Ковалевский сознается, что в первом отчете «вкралась ошибка в изложении против его желания и убеждения: нельзя было принимать на себя того, чего физически невозможно исполнить». Эта мера была лишь шагом к отмене прежнего порядка надзора за студентами, порядка, который при наплыве студентов в университеты стал невозможным и только возлагал на университетское начальство тяжелую ответственность. В силу этих соображений он, министр, и ходатайствовал об установлении над студентами надзора общей полиции;

г) по поводу заявления комиссии о существовании студенческих судов Ковалевский отвечает, что это заявление основано лишь на слухах, а потому он считает долгом сделать следующие разъяснения: 1) суды существовали лишь в Киевском университете, с разрешения попечителя²; эти суды не могли произносить приговоры, а выражали лишь свои мнения о поступках товарищей и ни в каком случае не могли обсуждать поведение начальства. Когда же

¹ Беспорядки в Харькове в апреле возникли из-за высылки на родину двух студентов, устроивших ночной дебош. Товарищи устроили шумную сходку, требуя возвращения высланных (Архив, дело № 133255). В Казани студенты протестовали против запрещения аплодировать профессорам на лекциях.

² Н.И. Пирогов.

эти суды вышли за установленные для них пределы, они были запрещены.

«Не увлекаясь слухами, — заключает министр, — и стараясь действительные вспышки между студентами, так свойственные ныне молодым людям, тушить вначале мерами административными, министр народного просвещения никогда не скрывал ни одного сколько-нибудь важного происшествия...» «Если признано будет нужным, чтобы известия сего рода были излагаемы с большею подробностью, то он готов исполнять это. Но никогда не согласится он по частным слухам подписывать обвинительные приговоры в безнравственности и вредном направлении умов всего студенческого общества».

Комиссия постановила объяснения Ковалевского вместе со своими замечаниями на отчет повергнуть на усмотрение государя императора. При этом три члена комиссии — Строганов, Корф и Игнатъев заявили, что не признают объяснений министра удовлетворительными. Ни отчет, ни дополнительные объяснения министра, находили они, не дают верного понятия о *нравственном состоянии* университетов; между тем этот вопрос заслуживает самого серьезного внимания, так как «большинство поступающих в университеты молодых людей *вследствие плохой подготовки не может с успехом следить за ходом университетского образования, не питает любви к науке и привязанности к серьезным занятиям, но, увлекаясь современными политическими воззрениями, проводит время в праздности*». Ковалевский старался найти объяснение студенческому брожению во влиянии на студентов общества; означенные три члена комиссии полагают, напротив, что «как ни сильно общественное влияние, однако ж *необходимо решительными и рациональными мерами оградить молодых людей от соблазнов, вредных для их умственного и нравственного образования*».

Председатель комиссии, принц Петр Георгиевич Ольденбургский, *не согласился* с заключительным мнением трех членов комиссии, находя, что о беспорядках между студентами известно лишь по слухам и нет положительных данных, из коих бы можно было заключить о нравственном и умственном состоянии учебных заведений.

Другие замечания комиссии на отчет не имеют существенного значения. Так, было указано, что излишне в каждом отчете помещать сведения о числе училищ разного типа, достаточно указать лишь происшедшие за отчетный год перемены. Министр согласился, что форма отчетов могла бы быть упрощена, к чему он сам готов приступить немедленно.

По поводу заявления в отчете, что С.-Петербургский университет не имеет достаточных средств для пополнения естественноисторических коллекций, комиссия предложила повысить плату со студентов и ограничить число бесплатных. Число последних бывало очень велико: так, в 1858 году из 1019 студентов С.-Петербургского университета внесли плату лишь 360. Ковалевский объяснил,

что уже имеется в виду установить более строгие правила освобождения от платы и, если нужно, возвысить плату, чтобы можно было увеличить оклады преподавателей.

Так как в отчете было заявлено, что окончившие ветеринарный институт с трудом приискывают места, комиссия предлагала публиковать об окончивших институт в газетах. Наконец, комиссия считала полезным, чтобы в «Журнале Министерства народного просвещения» помещались статьи, заключающие в себе взгляды правительства и опровергающие взгляды и мнения других органов печати. Ковалевский, напротив, полагал, что неофициальная часть журнала должна быть совершенно независимой.

II

Таким образом, помимо формы и содержания самого отчета, члены комиссии подвергли осуждению самую политику Ковалевского в отношении к университетам. Министра упрекают в том, что он не придает серьезного значения студенческим волнениям, а также допускает существование в университетах студенческого суда, который подвергает разбору не только поступки товарищей, но также распоряжения начальства и действия профессоров. Видно, что излишней снисходительностью, если даже не потворством министра, склонны были объяснять брожение и открытые беспорядки в университетах. Подтверждением такого мнения являлись многие факты, имевшие место в наших университетах в министерство Ковалевского. Студенческие волнения вспыхивали все чаще и чаще то в том, то в другом университете, а университетское или высшее начальство нередко уступало требованиям студентов. В Москве, например, студенты требовали удаления некоторых профессоров и действительно успевали иногда добиться своего. Однажды студенты потребовали к суду даже ректора Альфонского и в воззвании к товарищам ссылались на дурные отношения между ректором и попечителем. Инспектор (Шестаков) получил от попечителя приказание не вмешиваться в студенческую «историю», а ректор через депутатов от студентов заявил, что берет обратно свои слова¹. В Казани студенты потребовали удаления профессоров Берви, Шарбе, Струве и еще некоторых других; хотя студенты, явившиеся главными виновниками демонстраций против профессоров, и подвергались удалению или наказанию, но и профессора покидали университет². Результатом этого было то, что студенты стали считать себя силой, которой боится начальство; профессора заискивали перед студентами, жали им руки, пропускали лекции, «чтобы не показаться отсталыми или школьниками»³. Студенческие сходки, суд, объяснения с начальством через депутатов — все это сделалось

¹ Шестаков, Студ. волнения в Москве в 1861 году, «Русск. Стар.», 1888, кн. X, стр. 206—210.

² Фирсов, Студенческие истории в Казанском университете в 1855—1863 годах, «Русск. Стар.», 1889, III, стр. 565—568; IV, стр. 102—105.

³ Шестаков, *op. cit.*, стр. 206.

почти обыденным явлением, но не привело к успокоению университетов, а, напротив, волновало молодежь и поощряло к новым и новым требованиям. В С.-Петербургском университете после беспорядков в феврале 1861 года была образована по призыву попечителя (Деянова) комиссия из четырех профессоров для упорядочения студенческой общины и составления устава; в комиссию приглашены были 8 выборных студентов¹. Никитенко по поводу февральских волнений заносит в свой дневник: «Молодежь теряет всякий смысл»... «Начальство лишено возможности действовать с энергией и достоинством. Да и министры не лучше в этом отношении. Некоторые готовы даже защищать поступки студентов»... «Ах, господа! Нет, не любовь к науке говорит в вас, а только стремление к популярности. Вместо того чтобы читать науку, вы пускаетесь в политическое заигрывание... это нравится неразумной молодежи, которая, наконец, начинает думать не на шутку, что она сила, которая может предлагать правительству запросы и контролировать его действия»².

Ковалевский склонен был оправдывать студентов, ссылаясь на молодость и впечатлительность их, на влияние общества. Но современники обвиняли самого министра в бесхарактерности. Никитенко отзывается о нем, что это — тот же Норов по своей нерешительности³. В другом месте он же говорит про Ковалевского: «человек не довольно сильной воли и не довольно по настоящим временам смелого и обширного ума»⁴.

Осуждая Ковалевского за его слабость и нерешительность, комиссия принца Ольденбургского разошлась с ним и в самих взглядах на роль и значение университетов. В замечаниях комиссии, как мы видели, указывается на то, что министр в своем отчете мало обратил внимания на «*нравственную часть наших университетов*». Далее, высказывается взгляд, что образ мыслей студентов обнаруживается не только в их частной жизни, но и в стенах университета, и что, следовательно, подчинение студентов надзору общей полиции не снимает с университетского начальства ответственности за их поведение и обязанности наблюдать за их образом действий. В противоположность министру, заявлявшему о влиянии общества на учащуюся молодежь, комиссия полагала необходимым «оградить молодых людей от соблазнов, вредных для их умственного и нравственного образования».

Из всего этого мы видим, в чем заключалась главная сущность разногласия между министром и комиссией: Ковалевский отрицает за университетами роль *воспитательную*, тогда как члены комиссии именно этой стороне придают серьезное значение.

Правильность нашего взгляда подтверждается также и той запиской, которую представил Ковалевский в свое оправдание в от-

¹ Спасович, Сочинения, т. IV, стр. 22—28.

² Никитенко, Дневник, II, стр. 244.

³ Там же, стр. 105. Норов — предшественник Ковалевского на посту министра.

⁴ Там же, стр. 256.

вет на упреки комиссии. Записка помечена 20-м апреля. Министр начинает записку с уверения, что он не позволил бы себе дальнейших объяснений, если бы замечания членов комиссии не касались его лично. Между тем его обвиняют в том, что он не придает должного значения неудовлетворительному состоянию университетов, и что он против решительных мер. Ковалевский возражает на это, что он употреблял все усилия, чтобы улучшить состояние университетов, о чем свидетельствуют его доклады, отчеты, распоряжения; если усилия не привели к цели, то причиной этому являются «неблагоприятные обстоятельства, окружающие среду студентов, события в Европе»: брожение замечается не только между студентами, но и в значительной части общества. В чем должны заключаться «решительные и рациональные меры», члены комиссии не высказали; министерство радо воспользоваться всяким советом, но Ковалевский повторяет, что *«университеты не воспитательные заведения, но высшие учебные учреждения, в которых преподаются науки людям, получившим уже общее образование»*, что «при большом числе студентов, живущих рассеянно на свободе и в беспрерывном соприкосновении с обществом, нет возможности следить за образом жизни их и держать опеку над людьми, имеющими большей частью от 18 до 25 лет и вышедшими из школьной сферы».

Приведенная объяснительная записка Ковалевского помечена 20-м апреля, но еще до того, 13-го апреля, вопрос об устройстве университетов был предметом горячих прений в совете министров. Чтобы понять причины отставки Ковалевского и значение тех прений, которые происходили на заседании 13 апреля, следует выяснить взгляды Ковалевского на университетский вопрос и определить место, которое он занимал в ряду других современных ему деятелей в этой области.

III

Между вопросами, связанными с университетским устройством, особенное внимание обращали на себя три вопроса: 1) о порядке приема студентов в университет и об ограничении числа поступающих, 2) о желательности или нежелательности корпоративной связи между студентами и 3) о порядке надзора за студентами. Вопросы об автономии профессорской коллегии и о свободе академического преподавания выдвинулись уже позже в министерства Путятина и Головнина.

Установленный в 1849 году комплект студентов в 300 человек был отменен, и в 1855 году было разрешено принимать неограниченное число студентов. Возникшие вскоре после этого студенческие волнения некоторые склонны были объяснять именно этим увеличением числа студентов и требовали каких-либо мер, затрудняющих доступ в университет. Так, например, харьковский попечитель Зиновьев указывает на трудность надзора при большом числе студентов и полагает, что «истинное богатство государства заключается в соразмерности средств с потребностями», «истина эта

прилагается во всей силе и к народному образованию». Он считает полезным сократить стремление в университет посредством уничтожения тех особых прав и преимуществ, которые связаны с университетским дипломом. Он ссылается на пример Пруссии, где с увеличением числа студентов усиливались требования на экзаменах и сокращались права, связанные с дипломами¹. За сокращение числа студентов высказывались, по-видимому, также Строганов и Панин (см. ниже), а впоследствии Валуев, который в своих замечаниях на проект устава предлагал значительное возвышение платы.

Почти полную противоположность этим взглядам представляет взгляд Корфа: соглашаясь с Зиновьевым, что университет не должен давать прав, Корф в то же время является противником всяких мер, затрудняющих доступ в университеты, и особенно горячо возражает против вступительных экзаменов: «Дом науки, — говорит он, — должен бы быть открыт всякому, как дом молитвы, без спроса о том, насколько кто достоин туда войти. Из обоих (т.е. из храма и университета) даже и непризванный, верно, вынесет что-нибудь назидательное и полезное. Признание себя к тому достаточно приготовленным должно быть предметом собственной самооценки каждого; для дела же науки совершенно все равно, просидел ли кто в том или другом классе или вообще в университете десять лет или десять дней». С этим мнением, высказанным в заседании главного правления училищ 22-го января 1860 года, согласился также будущий министр Головнин². Предлагалось, таким образом, превратить университет в ряд публичных лекций, доступных каждому, подобно парижскому Collège de France.

Что касается Ковалевского, то он в данном вопросе не примыкал вполне ни к той, ни к другой партии. Резкие замечания сделаны его рукою на полях цитированной нами докладной записки Зиновьева: «можно ли прилагать закон политической экономии... к народному образованию? Можно ли и честно ли этому образованию ставить какие-либо границы и преграды?»³. Но в то же время Ковалевский высказывается также и против мнения Корфа о доступности для всех университетского образования без всякого вступительного экзамена. Напротив, ввиду не вполне удовлетворительного состояния низшего и среднего образования, а также ввиду недостаточного числа университетов и профессоров в России, Ковалевский высказывался за усиление строгости вступительных экзаменов. Точно так же и во всеподданнейшей записке своей, представленной на высочайшее усмотрение 6-го мая 1859 года, Ковалевский предлагал установить минимальный возраст для вступающих (16 лет) и усилить строгость приемных испытаний; в последней мере он видел средство оградить университет от наплыва неспособных⁴.

¹ Арх. департ. нар. проsv., дело № 124384/3084.

² Там же, № 140431/2124.

³ Там же, № 124384/3084.

⁴ Два последние цитированные дела.

По отношению к вопросу о желательности или нежелательности корпоративной связи между студенчеством мы встречаемся с двумя течениями: одни видят в корпоративной организации прекрасное средство нравственно-воспитательного воздействия на студенчество (таковы харьковский попечитель Зиновьев, петербургский Делянов, профессора С.-Петербургского университета Спасович, Кавелин и др.). Образцом для них является германский университет с широко развитым корпоративным устройством. Другие, напротив, видя в корпорациях главный источник студенческих волнений, предлагают не только запрещение корпораций, но даже уничтожение всего того, что создает некоторое единство между студентами, например, форменной одежды. Так, например, генерал-майор Шувалов (в записке, поданной государю в 1859 году) даже видит причину всех студенческих беспорядков в ношении форменной одежды и в тех вообще преимуществах, благодаря которым студенты образуют как бы отдельное сословие. Характерно, что противники корпораций склоняются даже к мысли о французском, свободном для всех университете: в таком университете совершенно невозможна корпоративная связь между студентами, как невозможна она между слушателями публичных лекций или между посетителями Публичной библиотеки. Шувалов указывает на то, что в Париже, где народные волнения происходят очень часто, студенты сплоченной массой никогда не участвуют в беспорядках; напротив, политехническая школа, где студенты носят особый мундир, приобрела незавидную известность, как предводительница возмущений. Предложения Шувалова сводятся к тому, чтобы совершенно уничтожить студенчество, как сословие, превратив университетские курсы в ряд публичных лекций, доступных для всех¹.

Интересна записка киевского попечителя Пирогова, где особенно ясно и определенно выражены все доводы за и против корпораций. «Есть, — говорит Пирогов, — два средства к предотвращению столкновений. Необходимо: или сообщить такую организацию студенческой корпорации, чтобы она сама, основываясь на чисто нравственных убеждениях и началах, избегала нареканий и столкновений, столь вредных для нее самой и для университета. Или же нужно уничтожить корпоративную связь между учащимися. *Первое* средство. Организовать корпорацию учащихся должно бы было так, чтобы она, убедившись в высшем значении и важности дарованных ей правительством привилегий, сама и через самое себя содействовала к поддержанию собственного достоинства, к исправлению собственных недостатков, исключая из среды своей недостойных (подающих наипаче повод к нареканию и столкновениям), и нравственным влиянием удерживала бы своих членов от всякого самоуправства под опасением лишиться тех прав, которыми она пользуется...» «*Вторая* мера — уничтожение студенческой корпорации — предполагает новый взгляд на наши университеты.

¹ Арх. департ. нар. просв., дело № 124384/3084.

Вводя ее, нужно рассматривать университеты уже не как воспитательные или нравственно-учебные, а как чисто учебные или научно-учебные учреждения. Вводя ее, должно уяснить родителям, что университет не отвечает за нравственность их сыновей, которые должны будут наряду с прочими гражданами отвечать сами за себя перед законом и обществом...» «Введение же второй меры основывается на том неоспоримом факте, что все столкновения студентов с лицами других ведомств и с полицией зависят именно от того, что студенты смотрят на себя как на отдельную от остального общества и самим правительством привилегированную корпорацию».

Введение первой меры, т.е. организации корпораций, по мнению Пирогова, сопряжено с большими трудностями, а потому он считает вторую меру «современнее и удобоисполнимее первой». Так как существующая студенческая корпорация организована «столь слабо и несовершенно, что существование ее поддерживается не столько изнутри, сколько извне — формой и правительственными привилегиями, преобразовать же ее, как мы уже видели, трудно, то очевидно, что лучше уничтожить внешнюю ее связь, нежели оставить в таком виде, как она есть...» Притом же «в наше время мы замечаем везде стремление к уничтожению сословных привилегий; во всех сословиях пробудилась более чем когда-нибудь склонность к образованию. Для чего же университетам отставать и не удовлетворять требованиям времени?» Таким образом, уничтожение корпоративной связи в университетах рассматривается как мера демократическая, как разрушение сословных перегородок. Ссылка на демократическую Францию делается поэтому особенно понятной.

Для уничтожения корпоративного духа Пирогов считает нужным: 1) открыть университет всем желающим за небольшую плату, уничтожить вступительные экзамены; 2) предоставить всем посетителям университета полную свободу выбирать курсы для слушания, уничтожив, таким образом, обязательные факультетские курсы; 3) подвергнуть всех посещающих лекции общему полицейскому надзору, наравне с прочими гражданами, сохранив университетский надзор только зданиях университета, и 4) отменить форменную одежду¹.

Ковалевский является противником корпораций, а следовательно, германского университетского строя, и больше склоняется на сторону приверженцев французского открытого для всех университета, с некоторыми, впрочем, ограничениями, которые были указаны нами выше (возраст и строгие вступительные экзамены). Так, он высказывается за отмену формы, за передачу надзора общей полиции; но особенно ясно обнаруживается несочувствие Ковалевского корпоративному строю и симпатии его к французскому университету из заметок, сделанных его рукой на упомянутой уже записке Зиновьева. Здесь он выражается о корпоративном строе,

¹ Арх. департ. нар. проsv., дело № 124384/3084. Записка Пирогова от 28-го февраля 1859 года.

что он «по нашему государственному устройству более вреда, чем пользы принесет». По поводу опасения Зиновьева, что университет при увеличении числа студентов превратится в ряд публичных лекций, Ковалевский пишет на полях: «Что же за беда?» Против слов Зиновьева, что результаты французских курсов ниже, чем в Германии, он замечает: «Дай Бог, чтобы мы достигли этих результатов!»¹

Итак, как мы уже видели, вопрос о корпоративном устройстве тесно связывался с вопросом о том, должен ли университет быть учреждением учебно-научным или также и воспитательным. Защитники корпоративной организации указывали именно на ее воспитательное значение, между тем как защитники французского открытого для всех университета, являясь противниками корпоративного устройства, в то же время отрицали за университетом всякое воспитательное значение. Ибо, конечно, какое же может быть воспитательное воздействие на посетителей публичных курсов? Ковалевский поэтому был вполне последователен, когда в своей объяснительной записке на замечания комиссии принца Ольденбургского доказывал, что университет не может и не должен иметь значения воспитательного. Вполне соответствуют этому замечания Ковалевского на полях зиновьевского доклада. «Университет не школа», — пишет он против слов Зиновьева, что школа должна направлять общество. Далее, по поводу мысли, что путем воспитания надо улучшить общество, он пишет: «Но разве университеты — школы, где воспитываются юноши?»

Были, однако, лица, которые, являясь противниками корпоративного устройства, в то же время придавали университетам значение не только научных, но также и воспитательных учреждений и возлагали на университетское начальство строгую ответственность за поведение и образ мыслей студентов. Это были сторонники старинного Уваровского университета с патриархальной нравственно-полицейской опекой университетского начальства над юношами. Таким образом, мы переходим к вопросу о надзоре за студентами — вопросу, тесно связанному с предыдущим вопросом. Сторонники открытого французского университета, конечно, стояли за подчинение студентов вне университета надзору общей полиции, наравне с прочими гражданами что является вполне понятным. Ибо при полной доступности университетских лекций для каждого какой же, в самом деле, может быть надзор за слушателями, состав которых ежедневно меняется? Ковалевский, как мы видели выше, не признавал возможным возложить на университетское начальство обязанность следить за поведением студентов и ответственность за их поступки. В его министерство и по его представлению состоялось высочайшее повеление 6-го мая 1859 года о подчинении студентов вне университета надзору общей полиции. Между сторонниками германского университета с узаконенной студенческой корпорацией многие, напротив, признавали необходимым надзор

¹ Арх. департ. нар. проsv., дело № 124384/3084. Записка Зиновьева от 16-го января 1860 года.

университетского начальства. Так, Зиновьев, будучи сторонником «нравственного, корпоративного взаимодействия, столь возвысившего германские университеты», признает в то же время необходимым сохранить в полной силе университетский надзор — «не столько надзор, сколько опеку». Для облегчения этого надзора он считал даже нужным принять меры к ограничению наплыва студентов в университеты; полицейский надзор он считал необходимым лишь как дополнение к университетскому. С другой стороны, Спасович, Кавелин и другие профессора С.-Петербургского университета тоже были за сохранение университетского надзора, но требовали передачи надзора от инспекции самой профессорской коллегии. Кавелин, например, признавая студенческое корпоративное устройство хорошим воспитательным средством, объясняет студенческие волнения тем, что сходки «происходили без чьего либо ведома и разрешения и без всякого контроля». Профессора, по мнению Кавелина, были совершенно лишены возможности влиять на студентов¹, совершенно устранены от участия в университетских делах, между тем как инспекции, не пользовавшейся доверием и уважением студентов, предоставлена была огромная власть. Студенческая корпорация, руководимая профессорами, и профессорский суд для разбора проступков, совершенных студентами, — таков был проект Кавелина и его единомышленников².

Сторонники Уваровского университета высказываются, как и следовало ожидать, против корпоративного начала, которое, как говорится в докладе комиссии принца Ольденбургского, «вовсе не свойственно нашему образу правления, может вредно действовать на молодые умы и во всяком случае отвлекает студентов от настоящей их цели, т.е. от занятий науками». В то же время они считают нужным сохранить за университетами воспитательное значение: «необходимо решительными и рациональными мерами оградить молодых людей от соблазнов, вредных для их умственного и нравственного образования». Строгость и бдительный надзор являлись, по мнению этой группы лиц, вернейшими средствами для водворения порядка в университетах. В Западной Европе образцом такого типа учреждений являлся до некоторой степени английский университет с его строгой дисциплиной. Наиболее видными представителями этой группы лиц являются Строганов, бывший деятель эпохи Уварова, впоследствии Путятин и Скуратов. Непонятным является присоединение барона Корфа к мнению Строганова и Игнатьева: сторонник французского университета высказывается здесь за бдительный надзор и ограждение студентов от «соблазнов». Про-

¹ Насколько правилен этот взгляд, можно судить хотя бы по следующему отрывку из воспоминаний студента 50-х годов: «Мужественные проводники правды, света и добра (речь идет о профессорах), *самодержавные властелины* душ и сердец горячо преданного студенчества! Благодаря вам... оно зовет тот университет, в котором так честно работали вы на пользу родины... своею *Alma Mater*» (*Обнинский* в сборнике «Воспоминания студенческой жизни», стр. 51). В конце 50-х годов профессора руководили изданием студенческих сборников, председательствовали на студенческих судах и т.п.

² *Кавелин*, Собрание сочинений, т. II, стр. 1191—1194. См. также *Спасович*, IV, 22—28.

тиворечие в его взглядах особенно заметно, если привести его слова в заседании главного правления училищ 22-го января 1860 года: он считал одним из важнейших недостатков университетов то, что, благодаря вступительным экзаменам, *университет превращается в школу* «с формализмом ее классных уроков, периодических курсов, срочных экзаменов и проч.»¹. Нельзя здесь видеть и перемену во взглядах: не говоря о том, что эта перемена была бы слишком быстрой и резкой, мы видим, что Корф в октябре 1861 года по-прежнему высказывается за открытые университеты².

Итак, взгляды Ковалевского, в общем, сводятся к следующему: он стоит за возможно широкий доступ в университеты всем сословиям, однако с ограничением возраста и при условии хорошей подготовки, обнаружившейся на строгих вступительных экзаменах. Следствием этого явится увеличение числа студентов и невозможность для университетской полиции следить за поведением и нравственностью их; поэтому Ковалевский стоит за передачу надзора над студентами в ведение общей полиции. Отрицая за университетами воспитательное значение, Ковалевский является противником корпоративного строя (хотя при нем именно корпоративная организация, вследствие его снисходительности и слабых характеристик, пустила прочные корни в С.-Петербургском и Киевском университетах); он стоит за уничтожение всего того, что поддерживает корпоративную связь между студенчеством, — за уничтожение формы и тех особых прав и привилегий, которыми пользуются студенты и которые связаны с университетскими дипломами.

IV

Эти взгляды министра, вероятно, легли в основу его всеподданнейшего доклада 13-го апреля 1861 года. В делах Архива департамента народного просвещения этот доклад почему-то не сохранился, и о содержании его мы можем лишь отчасти судить по тем отзывам, которые встречаются в позднейших записках Ковалевского и в рассказах современников. Сам Ковалевский в одной из своих записок (от 11-го мая 1861 года) говорит, что в этом докладе «предлагалась система коренного преобразования наших университетов относительно обучающихся в них студентов». Главным основанием этой системы было привлекать в университеты не для служебных прав, а единственно для образования. «С этой целью предлагалось было: уничтожить все преимущества студентов, как во время университетских курсов, так и по окончании оных, а, с другой стороны, возвысить уровень университетского учения, предоставив преимущества только лицам, достигшим, по испытанию, ученых степеней, начиная с кандидатской»³.

Краткие сведения о докладе Ковалевского и о заседании совета министров сообщает Никитенко, показания которого, как лица,

¹ Дело № 140431/2124.

² Никитенко, II, стр. 288—289.

³ Дело № 146163/3084, Записка Ковалевского от 11-го мая 1861 года.

близко стоявшего к министру, заслуживают полного доверия. 12-го апреля Никитенко сообщает, что государь призывал к себе министра и объявил ему, что студенческие беспорядки не могут быть более терпимы и что он не остановится перед крайней мерою, закрытием некоторых университетов. Министр просил не прибегать к этой мере, так как она вызовет общее неудовольствие. «Так подумайте же сами, что делать, — сказал государь, — но предупреждаю вас, что более терпеть такие беспорядки нельзя, и я решился на строгие меры».

На следующий день, 13-го апреля, в заседании совета министров происходили прения об университетах; так как этим же числом помечен вышеупомянутый всеподданнейший доклад Ковалевского, то очевидно, что предположения министра, которые обсуждались в совете, и есть те предположения, которые выражены в докладе. Вероятно, здесь же был заслушан и доклад комиссии принца Ольденбургского. Возможно, что именно этот доклад и был причиной вызова Ковалевского к государю и разговора с ним 12-го апреля. О заседании 13-го апреля Никитенко пишет: «Ковалевский встретил страшные нападки на беспорядки, производимые студентами. Он ссылаясь на дух времени, но это не помогло. Государь назначил графа Строганова, графа Панина и князя Долгорукова рассмотреть записку о мерах, которые он предлагает. Собственно говоря, это значит подвергнуть министерство контролю и вверить попечение о делах его посторонним силам»¹.

Так возникла вторая из тех комиссий, столкновение с которыми привело к отставке Ковалевского.

В самом докладе этой комиссии так повествуется о ее возникновении: «Вследствие высочайшего повеления вашего императорского величества, министр народного просвещения представил сообщения свои о тех мерах, кои могут быть приняты для надзора за университетскими студентами, по случаю непрерывно возникающих беспорядков. Вместе с тем действительный тайный советник Ковалевский изложил некоторые предположения об испытаниях на ученые степени, о составлении новой системы распределения преподавания наук по факультетам и о других предметах, требующих предварительного обсуждения в главном правлении училищ.

Вашему величеству благоугодно было указать на необходимость немедленного принятия некоторых мер для направления образования в учебных заведениях к цели, соответствующей попечительной заботливости правительства»².

Неудовольствие государя по поводу повторявшихся студенческих беспорядков, столкновение с комиссией принца Ольденбургского, нападки в заседании совета министров, наконец, образование новой комиссии для рассмотрения предположений министра и назначение в эту комиссию принципиального противника всей политики Ковалевского, графа С.Г. Строганова, — все это значитель-

¹ Никитенко, II, стр. 254.

² Дело № 146163/3084.

но пошатнуло положение Ковалевского. После заседания 13-го апреля об отставке его стали говорить как о совершенно решенном вопросе, и это-то и ввело в заблуждение Татищева. Никитенко, разговлявшийся на первый день пасхи (23-го апреля) у Ковалевского, пишет: «Министр подал в отставку, но государь пожелал, чтобы он остался, пока приищется ему преемника». Никитенке Ковалевский говорил, что «оставляет свой пост с огорчением, но не может не оставить его, так как от него требуют, чтобы он приводил в исполнение чужие планы».

«В отставке Ковалевского все видят торжество реакционной партии, — сообщает далее Никитенко, — и Ковалевский мало-помалу вырастает в общественном мнении». Как на преемника Ковалевскому указывают на Строганова. «Говорят, — пишет Никитенко, — что Строганов очень силен при дворе, и что его интрига произвела нынешний кризис»¹.

«На просвещение страшное гонение, опять вследствие недоразумений, — писал Погодин Шевыреву. — Граф Строганов, говорят, неистовствовал в совете против распущенности; а кто положил ей основание? Он нападал на Ковалевского так, что тот занемог, и думали, что подаст в отставку. Говорили, что Строганов и назначен. Другие указывают на Левшина. Нет, друзья, как вы ни садитесь, а в музыканты не годитесь. Комиссия для рассуждения о делах просвещения составлена из Строганова, Панина, Долгорукова. Говорят, будто назначается оброк на студентов по двести рублей серебром, что число ограничится двумястами казенных и двумястами своекоштных. Неужели это может быть? Господи, Боже мой!»²

Между тем Ковалевский все еще оставался на посту министра, а новая комиссия приступила к работе. В С.-Петербургской императорской Публичной библиотеке хранятся некоторые документы, знакомящие нас с черновой, подготовительной работой этой комиссии. Документы эти следующие: 1) ведомость о числе студентов С.-Петербургского университета, плативших и не плативших за право слушания лекций в 1857—1860 годах; 2) записка Панина к лично секретарю его или Строганова (к Хвостову или Топильскому) и 3) проекты доклада комиссии и объяснительной к нему записки. Ведомость о числе плативших и не плативших студентов составлена, очевидно, кем-либо для комиссии, потому что в комиссии, как мы увидим далее, возбужден был, между прочим, вопрос об ограничении числа студентов, освобождаемых от платы за учение. На записке сделана пометка: «Получено от графа В.Н. 27-го апреля вечером».

«Распространение просвещения в направлении, полезном для молодого поколения и соответственном устройству государства, — пишет Панин. — Скажите графу Строганову, что так намерен я назвать в докладе нашем цель, указанную государем (исправление духа университетского воспитания). По сообщении моих замеча-

¹ Никитенко, II, стр. 254—256.

² Барсуков, XVIII, стр. 229.

ний и представлении нужных объяснений граф сделает не при вас, а на досуге нудные по его усмотрению исправления и возвратит бумагу для переписывания, назначив по соглашению с князем Д. день для общего совещания. Я на всякий день согласен (если в понедельник вечером, то работа может поспеть к четвергу). Возвратите мне эту записку после свиданья с графом Строгановым. Мне нужна указанная сначала формула».

Далее следуют проекты доклада. Я не буду здесь останавливаться на тех пунктах, которые вошли в доклад (их мы рассмотрим в свое время). Здесь укажу лишь на те вопросы, которые, как видно из проектов, обсуждались в комиссии, но затем не были приняты и не вошли в доклад. Вопросы эти следующие: 1) возвышение оклада профессором, чтобы привлечь лиц достойных и способных, 2) некоторое возвышение платы за лекции, чтобы этим увеличить профессорский оклад и 3) пересмотр инструкции для инспектора, чтобы устранить все то, что является излишним вмешательством в частную жизнь людей, «вышедших из младенческого возраста», сохраняя то, что отвечает попечениям правительства «о нераспространении между молодыми людьми примеров безнравственности или вредных политических заблуждений, и также вполне оградить преподавателей от всякого своеволия или продерзости учащихся, дабы свобода преподавания не подвергалась каким-либо ограничениям, кроме указанных самим правительством, и дабы достоинство преподавателей было всегда и везде охраняемо».

К проектам доклада приложен также проект введения к докладу; хотя в работах комиссии принимал участие и Ковалевский, но упомянутый проект введения составлен, по-видимому, без его участия. По крайней мере, здесь говорится: «Мы представим министру народного просвещения следующие соображения».

По вопросу об ограничении приема в университет комиссия признает наиболее удобным и правильным открыть доступ в университет преимущественно тем из не имеющих состояния молодых людей, «которые приобрели на то право трудолюбием и успехами в образовании, приобретенном в низших учебных заведениях». Первоначальное образование должно быть общим: недостаток у нас специальных учебных заведений был отчасти причиной того, что в гимназии ввели предметы, которые там не могут преподаваться с надеждающей полнотой. Переходя далее к университетам, комиссия считает нужным точное соблюдение §11 инструкции 23-го января 1851 года¹. Средствами для этого комиссия считает: а) исправление тех пунктов инструкции, «которые были начертаны в пределах

¹ Эта инструкция имела целью установить надзор за преподаванием, возлагая таковой на ректора и деканов. Профессорам вменено в обязанность представлять программы своих лекций. §11 инструкции гласит: «при рассмотрении программ постоянно имеется в виду: а) чтобы предмет изложен был в полноте сообразно с потребностью университетского учения, б) чтобы как общие начертания, так и отдельные статьи программы строго соответствовали и ученой, и нравственной цели, в) чтобы в содержании программы не укрывалось ничего несогласного с учением православной церкви или с образом правления и духом государственных учреждений наших и г) чтобы, напротив, ясно и внушительно выражались везде... благоговение к святыне, преданность государю и любовь к отечеству» (Сборн. постановл., II, стр. 1242).

слишком тесных», б) усиление надзора через назначение проректора и в) немедленное удаление «неблагонамеренных или ошибающихся профессоров». Нужно большее внимание со стороны попечителей и ректоров и более тщательный выбор их. Не следует допускать в университеты людей с недостаточной подготовкой. Что касается влияния общества, то оно действительно существует, но «не настолько единодушно в другом направлении», чтобы ему можно было приписать заблуждения студентов. В политических стремлениях нельзя обвинять всех студентов: вредное политическое направление проявилось преимущественно между уроженцами западных губерний, которым изъявили сочувствие по разным видам и другие студенты и даже, говорят, некоторые преподаватели. Общество же не так заражено вредными понятиями, чтобы ему можно было приписывать влияние на студентов; большее влияние имеет литература. Дерзость студентов проявилась особенно в отношении к полиции, между тем в обществе не заметно такого враждебного отношения к полиции. Наконец, отнятие права на чин члены комиссии считают несправедливым, так как последствием такой меры было бы восстановление сословных преимуществ, которые до сих пор уступали место преимуществам, приобретенным путем образования¹.

К 9-му мая работы комиссии были окончены; для достижения указанной цели (т.е. для направления образования согласно видам правительства) члены комиссии полагают необходимым «дать прочное основание общему образованию в гимназиях и принять те меры, кои могут ныне же прекратить беспорядки и оградить свободу преподавания в пределах, соответствующих основаниям государственного нашего устройства». Для достижения этого комиссия выработала следующие меры.

1. Восстановить в гимназиях классическое образование по уставу 1828 года.

2. Производить приемные в университет экзамены при гимназиях, подвергая посторонних лиц, получивших домашнее образование, испытанию вместе с учениками, если возможно, в присутствии депутата от университета.

3. Восстановить полную подчиненность учащихся университетскому начальству в стенах университета (рукою государя сделана на полях пометка: *«подчиненность эта никогда не была уничтожена»*), воспретить всякие сходки без разрешения начальства и объяснения с ним через депутата или сборищем (высочайшая пометка: *«если таковые допускаться, то вопреки установленного порядка и от слабости университетского начальства»*).

4. Следует издать правила о точном посещении лекций и о недопущении одобрения или порицания преподавателей.

5. Установить надзор за порядком; неисполняющих правила после напоминания увольнять, не подвергая другим взысканиям, если поступки их не подлежат суду по общим законам.

¹ Рукописный отдел С.-Петербургской Публичной библиотеки, F II, № 201.

6. Не допускать в университет вольнослушателей, кроме лиц, состоящих на государственной службе, а также известных ученых и преподавателей.

7. Восстановить экзамены на 1-м и 2-м курсах.

8. Не принимать в университет моложе 17 лет; отменить форменную одежду и воспретить ношение каких-либо знаков народности или товарищества.

9. Освободить от платы лишь двух от каждой гимназии округа, кои будут признаны достойнейшими.

10. Выдавать стипендии отличившимся бедным студентам, преимущественно из гимназистов университетского округа.

11. Суммы, остающиеся от ограничения числа бесплатных, предназначаются на увеличение жалованья профессорам.

12. По поводу этого пункта в комиссии произошло разногласие: Строганов и Ковалевский стояли за такую редакцию: «Выбор ректора и проректора производится на точном основании устава 1835 года. *В отношении исполнения обязанности ректорам и деканам факультетов восстанавливаются правила, существовавшие до издания инструкции 23-го января 1851 года*¹». Кн. Долгоруков и Панин, со своей стороны, предлагали совершенно иной проект. Признавая также желательным восстановление прежнего порядка избрания ректора, они добавляли: «*Всем преподавателям вменяется в строгую обязанность точно и неуклонно исполнять правила, предписанные в § 11 инструкции, данной в 1851 году ректорам и деканам факультетов.* Относительно порядка составления программ статьи, относящиеся до сего предмета, подвергаются пересмотру».

13. Окончившим университет сохранить права.

14. Назначить из казначейства известную сумму на увеличение оклада.

15. Снестись с генерал-губернатором Северо-Западного края об открытии высших учебных заведений, юридического и медицинского, с преподаванием на русском языке.

Так как меры, предлагаемые комиссией, во многом расходились со взглядами Ковалевского, то последний не оставил доклада без возражений, и к журналу комиссии приложена записка Ковалевского от 11-го мая. Эта записка является, так сказать, «лебединой песнью» министра, последней попыткой его отстоять свои взгляды. По поводу 1-го пункта он замечает, что устав гимназий 1828 года говорит о преподавании лишь латинского языка, греческого же только в гимназиях, состоящих при университете. Ковалевский высказывается в пользу двух типов средних учебных заведений — нормального, где преподавался бы только один латинский язык, но было бы зато расширено преподавание русского языка и математики, и филологического с преподаванием обоих древних языков, на которые отводилась бы половина всех учебных часов. Такой проект был выработан в министерстве и подлежал рассмотрению в глав-

¹ Содержание этой инструкции и §11 см. выше.

ном правлении училищ и в государственном совете. Предрешение же вопроса комиссией Ковалевский считал преждевременным. Тем более, что такое или иное разрешение его не имеет влияния на нравственность студентов.

Далее, Ковалевский возражает на пункты 4, 6, 7, 9 и 13. Это как раз те пункты, осуществление которых противоречило бы идее французского университета. По поводу пункта 4 (о надзоре за посещением лекций) Ковалевский замечает, что вряд ли предписанием можно заставить заниматься; если следить за исправным посещением лекций, то многие могут посещать лекции и не слушать. Студенты — люди взрослые и могут сами рассуждать, тем более, что им предстоит испытание. Возражая на пункт 6-й (об ограничении вольнослушателей), министр приводит историческую справку: вольнослушатели допущены в университет в 1844 году, а высочайше утвержденным 16-го июня 1847 года мнением государственного совета признана польза этой меры. Ковалевский приводит следующие соображения в пользу сохранения прежнего порядка: 1) «Университет по своему назначению, как высший храм науки, должен быть открыт всем без различия. Если здесь допустить выбор, то в таком случае и в Публичную, например, библиотеку, имеющую ту же цель, т.е. распространение просвещения, нельзя дать доступа всякому желающему читать; 2) не все имеют возможность приготовиться так, чтобы выдержать приемный экзамен. Следует ли возбранять таким лицам за небольшую плату пользоваться плодами просвещения, а особливо у нас в России, где так мало оно распространено и где так оно нужно? Следует ли отказывать фабриканту слушать в университетской лаборатории лекции технологии или адвокату слушать лекции гражданского права и т.п.?» Наконец, Ковалевский утверждает, что вольнослушатели никогда не принимают участия в беспорядках, так как «единственная их цель чему-нибудь научиться». Таким образом, здесь Ковалевский опять является горячим защитником французского университета, причем даже от своего требования строгих вступительных экзаменов он отказывается, говоря о вольнослушателях.

Говоря о переводных испытаниях (по поводу п. 7), министр считает их, как средство контроля, непригодными. Правильная оценка знаний в 5 минут невозможна. Если же назначить на экзамены то время, какое действительно необходимо, чтобы удостовериться в познаниях испытуемого, то при 800 студентах 1-го и 2-го курса в С.-Петербургском университете на испытание пойдет полгода. Если прибавить еще время, необходимое для производства окончательных испытаний, то на лекции ничего почти не останется.

По поводу пункта 9 (об освобождении от платы) Ковалевский ссылается на свой всеподданнейший доклад от 13-го апреля, где он вообще высказывался против освобождения от платы, а предлагал бедным и достойным выдавать стипендии, засчитывая в стипендию и плату за учение. На предложение же комиссии освобождать лишь по два лица от каждой гимназии Ковалевский возражает, во-пер-

вых, что нет основания делать различие между учившимися в гимназии и получившими домашнее образование, так как и те и другие приобретают право на поступление в университет одинаковым образом. Другое неудобство предлагаемого комиссией порядка заключается в том, что в одной гимназии может не оказаться ни одного действительно нуждающегося, тогда как в другой их может быть много.

Наконец, в ответ на пункт 13-й (о сохранении прав для окончивших университет) Ковалевский вновь ссылается на свой доклад 13-го апреля, где он, как мы видели, предлагал, напротив, уничтожение всех особых преимуществ, предоставленных как студентам, так и окончившим университет. «С принятием предложенных от гг. трех членов мер означенная система будет поколеблена, и студенческая корпорация останется на прежнем основании. В таком случае нет уже и надобности лишать студентов тех прав и преимуществ, какими они пользуются ныне при вступлении на службу. Но это будет врачевание временное, а не радикальное»¹.

Последний пункт доклада комиссии требует пояснений. Дело в том, что открытием училищ в Северо-Западном крае имелось в виду отвлечь польскую молодежь из русских университетов, особенно из С.-Петербургского и Московского, а также Киевского, ввиду того влияния, которое оказывали поляки на русских студентов. Волнения в Польше, попытка бунта и столкновение с войсками в Варшаве в феврале 1861 года — все это волновало польскую молодежь; часть русской учащейся молодежи тоже открыто выражала сочувствие полякам. 22-го февраля в католическом костеле в Петербурге была отслужена панихида по убитым в Варшаве; костел был переполнен студентами, кадетами и вообще учащейся молодежью как польской, так и русской. Инспектор одного военно-учебного заведения хотел переписать присутствовавших воспитанников, но вынужден был удалиться. Когда потом начальство стало наводить справки, кто из русских был на панихиде, 300 студентов заявили о своем участии. В Москве, во время подобной же панихиды студент З., русский, заявил, что у поляков и русских один враг — русское правительство². Еще хуже обстояло дело в Киеве: здесь происходили постоянные манифестации, каждое воскресенье пелись в костеле революционные гимны, дамы носили национальный траур и эмблемы польской независимости, в театрах ставились исключительно польские пьесы. Студенты-поляки громко заявляли: «Киев наш, университет наш»; они составляли в университете определенную *политическую* партию, которая была звеном обширного заговора, охватившего всю Польшу и западные губернии. Каждый студент был членом известной гмины, в которой было много посторонних лиц; представители гмин совещались между собою, поддерживали единство, а иногда и отдавали приказания, основны-

¹ Дело № 146163/3084.

² Любимов, Катков и его историческая заслуга, стр. 145.

ваясь на распоряжениях центральной революционной власти. Русские студенты сплотились, чтобы дать отпор стремлениям польской партии; попечитель Пирогов покровительствовал этой русской корпорации; русскими было составлено прошение, в котором, между прочим, была просьба об открытии университета в Варшаве, чтобы отвлечь поляков из Киева. Говорят, эта мысль была внушена Пироговым. Простение было уже совершенно готово, но в день подачи прошения (13-го марта?) была получена телеграмма об увольнении Пирогова¹.

Ввиду таких обстоятельств киевский генерал-губернатор, кн. И.И. Васильчиков, вошел с отношением к Ковалевскому. Указывая на то, что в числе 1047 студентов Киевского университета католиков 562, в том числе уроженцев Юго-Западного края 364, прочих западных губерний — 145 и Царства Польского — 53, Васильчиков говорит, что «вредное направление в университете польской молодежи, избегавшей всегда сближения с русскими студентами, стало теперь обнаруживаться с большей силой», под влиянием событий в Западной Европе и брожения в Польше. Он сообщает, что некоторые студенты переодеваются в крестьянское платье для пропаганды среди народа; в костеле была отслужена панихида по убитым 15-го февраля в Варшаве, причем на панихиде присутствовали многие польские студенты; по городу ходят анонимные воззвания с приглашением не бывать на балах; однажды ночью на улицах расклеены были польские патриотические объявления, — молва приписывает все это студентам. В студентах-поляках вообще замечается «проявление национального духа, своеволие, неуважение к властям и стремление к восстановлению Польши». Васильчиков полагает ослабить польский элемент в университете св. Владимира, принимая в него лишь поляков, уроженцев Юго-Западного края.

Ковалевский в своем докладе 13-го апреля коснулся и этого вопроса. Он соглашается с кн. Васильчиковым, что влияние студентов-поляков в Киевском, а также в С.-Петербургском и Московском университетах вредно действует на прочих, но сомневается, чтобы ограждение для уроженцев Царства Польского и Северо-Западного края доступа в Киевский университет ослабило это влияние: его сила не в численном превосходстве, а «во вредном, обаятельном для молодых умов направлении». Эта мера не отвратит зла в Киевском университете, но усилит прилив поляков в университеты С.-Петербургский и Московский. Надеюсь, что студенты из Царства Польского сами не пойдут в русские университеты с открытием в Варшаве юридического и технического институтов, на что уже последовало высочайшее согласие, — Ковалевский предлагает пока *секретным образом* усилить строгость экзаменов для студентов-поляков.

Строгановская комиссия, рассмотрев отношение кн. Васильчикова и доклад Е.П. Ковалевского, указала на то, что Васильчикову,

¹ Юзефович, 30 лет тому назад, «Русск. Стар.», 1895, X, стр. 170—193.

очевидно, еще неизвестно было об основании высших училищ в Варшаве; кроме того, комиссия, как мы видели выше, предположила открыть подобные же училища в Вильне; что касается предлагаемой кн. Васильчиковым меры, то комиссия полагает, что «общая мера, основанная на одном лишь происхождении лиц и на общем подозрении, была бы весьма несправедливою». Усиление строгости экзаменов и без того удалит из университета лиц, не посвящающих себя исключительно науке. До приведения же в исполнение выработанных новых университетских правил комиссия полагает предоставить генерал-губернатору право удалять своею властью из университета тех студентов, «кои участвовали в важных беспорядках или на коих падало бы подозрение, подкрепленное достаточными данными, в том, что они действуют в качестве эмиссаров враждебной правительству пропаганды».

Мнение комиссии о студентах-поляках удостоилось высочайшего утверждения 18-го мая 1861 года¹.

V

В делах комиссии не видно, чтобы между членами комиссии происходили какие-либо разногласия, кроме пункта 12, где это разногласие привело к двум отдельным мнениям, внесенным в журнал комиссии. Между тем современники и корреспонденты иностранных газет довольно единодушно свидетельствуют о том, что Строганов (по другим, Панин) в заседании 11-го мая представлял свой особый проект, не принятый, однако, в Совете министров. «В чем именно состоял этот проект, — писал Никитенко, — я в точности не знаю. Но говорят, что клонился к тому, чтобы сделать университеты доступными только дворянству и имущим классам. Ковалевский, разумеется, сильно опровергал проект. Его поддержали решительно все члены совета. Особенно много возражал графу Строганову Чевкин. Проект с шумом провалился»².

Мазад в «Revue des deux mondes» утверждает, будто Ковалевский весной 1861 года подал проект, составленный по образцу *германских* (??) университетов. Строганов, напротив, по отношению к университетам стоял за возвращение к николаевскому режиму; он стремился также ограничить тремястами число студентов в каждом университете, запретить доступ вольнослушателям, превратить университеты в специальные заведения, перенести С.-Петербургский университет в Гатчину, возвысить плату до 200 рублей. Это вызвало сильную оппозицию, и потому остановились на полумерах (правила 18-го мая, 1861 года, см. ниже)³. Корреспондент «Indépendance Belge» сообщает, будто Панин (а не Строганов?) в результате казанских беспорядков (панихида по убитым в с. Бездне крестьянам) предложил опять ограничить число студентов тремястами, которые

¹ Дело № 146164/4084.

² Никитенко, II, стр. 259.

³ Mazade: La Russie sous Alexandre II. «Revue des deux mondes», 1862, 15/1, стр. 291.

бы принадлежали к знати высших пяти или шести классов и платили по 200 рублей; гимназии и все другие средние учебные заведения превратить в закрытые. На стороне этого проекта были сторонники репрессивных мер. Ковалевский предложил обратный проект, который расширял доступ в университет, ограничивая права, связанные с дипломом: сохранялись лишь степени магистра и кандидата, звание же действительного студента уничтожить. Отменялась форменная одежда, приемные (?) экзамены; этими мерами министр полагал убить корпоративный дух между студентами. К этому проекту присоединились великий князь Константин Николаевич, Чевкин, Горчаков. «Говорят, — заключает корреспондент, — они взяли верх» (корреспонденция от 15-го мая старого стиля)¹.

Трудно сказать, насколько достоверны все эти сообщения. Ни в докладе комиссии, ни даже в черновых проектах ни из чего не видно, чтобы Строганов или Панин оставались при особом мнении по вопросу об ограничении приема студентов и о возвышении платы. Между тем можно думать, что, прежде чем входить с особым проектом в совете министров, они, вероятно, постарались бы провести свой проект через комиссию. С другой стороны, приведенные нами свидетельства, сходясь лишь в изложении самого проекта, во многом расходятся между собой и противоречат имеющимся у нас подлинным документам. Так, по свидетельству Никитенки и Мазада, проект принадлежит Строганову, корреспондент «Indépendance Belge» приписывает его Панину. Мазад сообщает, что проект Ковалевского составлен был по образцу *германских* университетов, что, как мы неоднократно могли убедиться, совершенно противоречило бы взглядам Ковалевского. Корреспондент «Indépendance Belge» довольно верно передает предложения министра, но приписывает ему желание уничтожить приемные экзамены, тогда как Ковалевский, напротив, постоянно говорил о необходимости *усилить* строгость этих испытаний. Не смешал ли корреспондент приемных экзаменов с переводными, о которых, как мы видели, действительно шла речь в комиссии и, вероятно, в заседании 11-го мая? Наиболее достоверным свидетелем мог бы быть Никитенко, близко стоявший ко всему тому, что делалось в министерстве народного просвещения, но в данном случае сам Никитенко оговаривается, что в точности о проекте Строганова ничего не знает и сообщает лишь слух. Весьма вероятно, что и другие свидетели приводят лишь слухи, циркулировавшие в обществе, по поводу заключений комиссии. Во всяком случае, эти слухи показывают отношение общества к членам комиссии и к их деятельности: сокращение числа стипендий и освобождаемых от платы и попытка ограничения доступа вольнослушателям толковались, как стремление преградить несостоятельным доступ в университет, а слухи, может быть, даже умышленно распространяемые, преувеличили действительность и приписали этот проект Строганову или Панину, как наиболее влиятельным

¹ «Indépendance Belge», 1861, № 153.

членам комиссии. Этим, быть может, в значительной мере и объясняется непопулярность правил 18-го мая и нерасположение к Путятину, в министерство которого эти правила приводились в исполнение, и которому даже, как мы видели выше, ошибочно приписывались самые правила.

Сведения о результатах заседания 11-го мая довольно однородны. Никитенко сообщает, что проект Строганова «с шумом провалился»; Мазад говорит, что проект встретил оппозицию, и что решили ограничиться полумерами. «Indépendance Belge» передает, что министр народного просвещения встретил поддержку со стороны великого князя, Чевкина и Горчакова, и что его проект взял верх. Видно таким образом, что к окончательным результатам заседания не привело, причем некоторый перевес остался на стороне Ковалевского. 18-го мая состоялось новое заседание совета министров, в присутствии государя. Здесь были обсуждены доклады обеих комиссий — об отчете за 1859 год и о мерах для надзора за студентами. Выслушав объяснения Ковалевского и мнения других членов совета, государь император утвердил правила, вошедшие в III-й том «Сборника постановлений по министерству народного просвещения» и помеченные ошибочно 31-м мая: это лишь число, когда издан был циркуляр, которым министерство сообщало попечителям учебных округов новые постановления. Спасович также ошибочно называет эти постановления «правилами 31-го мая».

Следующие пункты доклада комиссии удостоились высочайшего утверждения: пункт 2 — о перенесении в гимназии экзамена для приема в университет; пункт 4 — о точном посещении лекций и о запрещении выражать на лекциях одобрение или неодобрение; пункт 5 — о надзоре за порядком и об увольнении неисполняющих правила; пункт 8 — о непринятии в университет до 17-летнего возраста и об отмене форменной одежды; пункт 10 — о выдаче стипендий бедным студентам преимущественно из гимназистов университетского округа; пункт 11 — о предназначении сумм, образовавшихся от сокращения бесплатных студентов, на увеличение профессорского оклада; пункт 13 — о сохранении для окончивших университет прав на службу; пункт 14 — об отпуске из государственного казначейства сумм на увеличение профессорского оклада; пункт 15 — об открытии высших училищ в Северо-Западном крае. Высочайше одобрено также мнение комиссии о временном предоставлении генерал-губернатору Юго-Западного края права удалять из университета студентов за участие в беспорядках или по подозрению, а также мнение комиссии принца Ольденбургского о том, чтобы в «Журнале Министерства народного просвещения» печатались статьи официального характера, опровергающие взгляды, высказываемые в других журналах, и выражающие взгляды правительства.

Относительно пункта 1 государь повелел предоставить министру народного просвещения, при рассмотрении проектируемого устава гимназий, «иметь в виду предположения о восстановлении

классического образования, с теми изменениями, кои могут быть признаны нужными». На пункт 3 последовало высочайшее предписание в точности соблюдать существующие правила о подчинении студентов надзору университетской и общей полиции. По пункту 6-му состоялось повеление: допускать вольнослушателей, если позволяет вместимость аудиторий, с предоставлением профессорам права удалять тех из них, которые окажутся виновными в нарушении порядка. Вопрос о переводных экзаменах на 1-м и 2-м курсах (п. 7 доклада комиссии) повелено передать на обсуждение главного правления училищ. Освобождать от платы (п. 9) повелено студентов, которые окажутся достойными на экзаменах и действительно бедными, *по два от каждой губернии, в том числе одного из учившихся в гимназии*. Других исключений ни под каким предлогом не допускать. Относительно разногласия, возникшего при редактировании пункта 12 доклада комиссии, государь склонился к мнению Долгорукова и Панина. Сохраняя выбор ректора и проректора на основании устава 1835 года, повелено «данную в 1851 году ректорам и деканам факультетов инструкцию пересмотреть, *сохранив полный смысл* пункта 11, которым и руководствоваться до пересмотра инструкции». «Все вышеприведенные меры приводить в исполнение постепенно и по мере возможности»¹.

Внимательно рассматривая правила 18-го мая, мы приходим к выводу, что правила эти далеко не во всем противоречат взглядам и предположениям Ковалевского, а потому неправильно связывать их всецело с именем его преемника. Напротив, некоторые пункты представляют собою лишь утверждение тех предположений, которые раньше существовали уже в министерстве, являясь иногда результатом долгих подготовительных работ; таковы пункты 2, 8, 10 и 15; пункты 11 и 14 (об увеличении оклада профессорам) тоже, по видимому, нисколько не противоречили желаниям министра. Соображения Ковалевского, высказанные в записке его от 11-го мая, тоже приняты во внимание: так, в вопросе о вольнослушателях мнение комиссии отвергнуто, редакция же пункта 9 (об освобождении от платы) видоизменена под влиянием доводов Ковалевского. Предположения комиссии по пунктам 1 и 7 — о реформе среднего образования и о восстановлении переводных экзаменов на 1-м и 2-м курсах — также не осуществились, а переданы на обсуждение подведомственных министру народного просвещения учреждений.

Взглядам Ковалевского противоречат лишь четыре пункта правил 18-го мая. Пункты эти следующие: 4 — о точном посещении лекций, 5 — о строгом надзоре за студентами, 12 — о сохранении §11 инструкции 1851 года и 13 — о сохранении прав за окончившими университет. Кроме того, пункт 3, хотя и представляет собой лишь подтверждение существующих правил надзора за студентами, но самая необходимость такого подтверждения свидетельству-

---

¹ Дело № 146163/3084.

ет о том, что правила эти недостаточно строго соблюдались в министерство Ковалевского, на что указывают и высочайшие пометки на докладе комиссии и замечания комиссии принца Ольденбургского.

Все это вынудило Ковалевского вторично и на этот раз уже окончательно подать в отставку. Легко заметить, что отвергнуты были именно те мнения Ковалевского, которые связаны были с идеей открытого для всех университета, рассматриваемого как учреждение исключительно научное, а не воспитательное. Таким образом, в отставке Ковалевского можно видеть крушение попытки пересадить на русскую почву французский университет. Кроме того, университетские беспорядки обратили внимание на направление молодежи, на дух преподавания и вызвали к жизни забытую было с конца 50-х годов инструкцию 1851 года о характере преподавания. Необходимость надзора за студентами и наблюдения за преподаванием — вот что является главной причиной издания правил 18-го мая.

С другой стороны, не все предположения комиссии удостоились высочайшего утверждения. Отвергнут был пункт об устранении вольнослушателей, и значительному изменению подвергся проект статьи об освобождении от платы. Это, быть может, и вызвало слухи о «провале» Строгановского проекта. Строганов после заседания 13-го апреля был самым влиятельным лицом в министерстве; его называли кандидатом на пост министра. Теперь о Строганове уже не говорят. Еще до заседания 18-го мая молва начинает называть нового преемника Ковалевскому. Это граф Евгений Васильевич Путятин.

«Умный, образованный, положительный, практический, твердый и в полном значении слова христианин», — писал про него граф А.П. Толстой. «Не одаренный от природы блестящими способностями, он был закаленным слугою долга», — пишет о. Базаров. Как моряк, он известен был своей неумолимой строгостью, доходившей даже до жестокости, хотя жестоким по природе он не был. «Как семьянин, он был любящим отцом, как христианин — самый смиренный исполнитель предписаний церкви». До назначения министром Путятин находился в Лондоне в качестве поверенного по делам морского ведомства. Женатый на англичанке, он многому симпатизировал в английских учреждениях, но не либеральным законам, а той строгой и даже суровой дисциплине, которая царила в английском строе; он сочувствовал замкнутости и дисциплине английских университетов и впоследствии своего сына поместил в Оксфордский университет¹. Когда оставлена была мысль об устройстве наших университетов по образцу французских или германских, выдвинулся Путятин, как сторонник английских университетов с их строгой дисциплиной и нравственной опекой над учащимися.

¹ Муханов, Дневник, «Русск. Архив», 1897, I, стр. 48.

Уже 10-го мая Муханов пишет в своем дневнике, что Путятину предлагают министерство, но он еще не принимает¹. Корреспондент «Indépendance Belge» заканчивает свою корреспонденцию припиской: «Только что узнал радостную весть об открытии университета в Вильне и печальную об отставке Ковалевского; преемником называют Путятину (15-го мая)». Уже на следующий день он пишет, что в Путятине видят представителя реакции, особенно студенты. Несколько дней спустя он говорит об этом назначении как о совершившемся факте, но 27-го мая сообщает слух, будто Путятин отказался от министерства. 1-го июня он пишет, что слух об отказе Путятина не оправдался. Получив благословение от московского митрополита Филарета, он отправился в Англию за своим семейством»².

Ковалевский некоторое время после заседания 18-го мая еще оставался во главе министерства. 27-го мая мы встречаем еще его подпись в делах архива. Но циркуляр 31-го мая, сообщавший попечителям учебных округов утвержденные 18-го мая правила, подписан уже товарищем министра Мухановым. В деле № 158792, карт. 4034, упоминается о том, что Ковалевский в конце мая выехал за границу.

28-го июня последовал высочайший указ об увольнении Ковалевского по расстроенному здоровью от должности министра и о назначении графа Е.В. Путятина. Е.П. Ковалевскому при рескрипте пожалован орден св. Владимира 1-й степени³.

Заканчивая свой труд, автор считает своим приятным долгом выразить искреннюю признательность ректору императорского Новороссийского университета, профессору Алексею Николаевичу Деревицкому, и профессору того же университета Николаю Николаевичу Ланге за любезное содействие в ходатайстве о разрешении заниматься в архиве, а также г-ну заведующему архивом Николаю Платоновичу Барсукову и помощнику его Александру Сергеевичу Раевскому за внимательное и участливое отношение и предоставление всех необходимых сведений и документов.

---

¹ Барсуков, XVIII, 244—234.

² «Indépendance Belge», 1861, №№ 153, 163, 165 и 171.

³ «Сенатские Ведомости», 1861, № 60.